

ЯТЬ тридцать утра, а край лоскутного одеяла уже откинут в сторону. Мужчина поднялся, сел. Осторожно, чтобы не потревожить лежащую рядом жену, спустил на пол ноги. Но перед тем, как с ботинками и носками под мышкой на цыпочках выйти из комнаты, еще раз наклонился над кроватью, любуясь безмятежным ангельским сном жены — своего ежедневного утреннего чуда.

Он улыбался, позевывая спросонок, мысленно вознося хвалу создателю за счастье жизни, за чистую красоту своей подруги, за силу, кипевшую в его жаждущем теле, за четкий, ничем не нарушаемый ритм его бытия изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, ведущий его по безоблачной дороге прямо в рай.

Бесшумно проскользнув на кухню, он раздвинул старенькие оконные занавески и глянул на улицу. За окном моросил бесконечный, мелкий, противный дождик, способный идти не переставая и дни и недели, пока сырость не пронизет человека до мозга костей. И почему это дождь в Софитауне льет именно тогда, когда служащим надо выползть поутру из своих нор, думал он, качая головой.

КОСТЮМ

КАН ТЕМБА

ЮАР

РАССКАЗ

А днем, когда курьеры носятся с разными поручениями, этот проклятый дождь сменяется нестерпимой духотой, чтобы снова прилечь, когда служащим придет время отправиться домой.

Он грустно улыбнулся причудам неба и вскинул голову вверх с неким кошунственным ехидством. Эх, а говорят еще — все в руках божьих!

Из-за кухонной двери он вытащил старый, потрескавшийся дождевик. Накинув его на плечи и натянув на голову капюшон, стремглав понесся через двор в уборную. По пути он едва не угодил в грязную лужу, но все же благополучно достиг заветной двери. О черт, кто-то уже успел занять вожделенное местечко!.. Вот вам прелести жизни в трущобе, где, кроме нас, еще двадцать-тридцать человек пользуются одним клозетом.

Он постоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Затем завернул за уборную и, оглядевшись по сторонам, быстренько справил нужду.

Снял с гвоздя на стене под дырявым навесом старую детскую ванночку, открыл большой деревянный ящик, наполнил ванночку углем и неторопливо вернулся в кухню.

Насвистывая одну из тех неотвязных мелодий, что вечно вертятся в голове, он разжег плиту, и веселый огонек заплясал в мажоре, в тон его настроению.

Пока в старой печке разгорался огонь и грелась вода в чайнике, он собрал и приготовил все, что

надо взять с собой: портфель с бумагами, книгу для чтения в автобусе, письма хозяина-адвоката (он всегда отправляет их по утрам, до прихода в контору), коробку с завтраком, заботливо приготовленную с вечера его любящей женой, кое-что из своих и жениных вещей в прачечную, а сегодня еще и этот старый, потрескавшийся дождевик.

Тем временем запела, закипая, вода. Он перелил ее в таз, снова наполнил чайник, поставил его на плиту и начал тщательно мыться. Это был его неприменный утренний ритуал — вымыть лицо, руки, шею, под мышками, все, все тело и даже между ногами, чтобы ни один белый не посмел сказать, будто от него воняет. Наконец он тщательно и аккуратно оделся. Теперь можно заняться завтраком.

Сейчас он подаст горячий завтрак на подносе в постель жене, все еще нежащейся в объятиях сна.

Мы, черные, любим иногда побаловать вот так своих жен. Не все же нам вытягиваться с подносом в руках перед проклятыми кроватями белых!

Подтянутый, чистенький, безупречно одетый, он входит в спальню. Жена смотрит на него бессмысленно, еще витая где-то в эфирных облаках. Нет,

он никогда не пытался поставить жену на место. Это не по нем. И Матильда, будьте уверены, ценит доброту своего мужа. Это ничего, что иной раз он принесет ей завтрак, скажет: «Вставай, умойся!», — а она: «Отстань, успеется», — и повернется на другой бок.

...Он немного огорчился, увидев в очереди на автобусной остановке Мафикелу. Филемон старался держаться от него подальше, побаиваясь острого языка и язвительных насмешек старого сплетника. Но куда не денешься. Мафикела уже заметил его и приветственно кивнул, прокричав, что подождет на конечной остановке в городе. Почудилось или нет? На лице старика лежала какая-то сумрачная тень и в словах звучала словно бы неуверенность.

Филемон всегда считал, что поездка в автобусе вместе с Мафикелой с успехом заменяет чтение утренних газет. Старик обычно оглашал во всеулышание последние городские новости, и их тут же живо и страстно обсуждали всем автобусом. Само собой, тут высказывались свои суждения о хозяевах (грубые, недостойные), о правительстве (оскорбительные), об Америке и Европе (насмешливые) и о боксе (кровожадные). Однако мнения эти всегда были единодушными, а заключения на редкость исчерпывающими для такой короткой поездки. И здесь уж были бессильны все запреты цензуры.

На конечной остановке Филемон сразу определил местонахождение Мафикелы по его громкому голо- су. Стоя под одним из так называемых защитных козырьков, которые никого не укрывают ни от дождя, ни от ветра, ни от солнца, старик распекал каких-то конторских мальчишек в форме цвета хаки. Увидев Филемона, он оставил их в покое и шагнул к нему. Некоторое время они шли молча, но по всему виду Мафикелы — какой-то он был поникший — Филемон чувствовал, что надвигается что-то очень серьезное. Возможно, даже государственный заем.

Наконец Мафикела не выдержал.

— Сынок,— сказал он печально,— если б я мог, я бы не стал говорить тебе. Но моя жена всю душу мне изгрызла, требует, чтоб я сказал.

Казалось, земля разверзнется сейчас под Мафи- келой — таким трагичным был его голос. Филемон почувствовал к нему бесконечную жалость.

— Продолжай, отец,— сказал он.— Ты знаешь, от тебя я выслушаю все что угодно.

Старик печально улыбнулся.

— Ну вот. Это все, конечно, не мое... не наше дело... э... Но моя жена заметила... видишь ли... О черт! Эти бабы вечно суют нос в чужие дела! В общем, так,— решился он наконец.— Какой-то молодчик захаживает к твоей жене каждое утро... э... вот уж целых три месяца, и моя супружница всеми святыми клянется, что ты об этом и не догадываешься.

Принято говорить: «впечатление разорвавшейся бомбы». Нет, это было не то. Филемон почув- ствовал лишь, что внутри у него, как у заведенной машины, вдруг треснула и рассыпалась на мелкие острые кусочки какая-то очень хрупкая и нежная деталь. Вся машина стала мертвой, но глубоко, в самых укромных ее уголках, еще вспыхивали угрожающе электрические огоньки, перескакивали с витка на виток, подбираясь к полному баку с бензином.

Филемон явственно ощущал ляг и скрежет по- ломанных частей механизма в своей голове.

— Отец,— сказал он охрипшим вдруг голосом,— я должен вернуться домой.— Он резко повернулся и побежал, не слушая предостерегающего: — «По- легче, сынок, полегче!».

Обратный путь был сплошным адом, мучением, пыткой. Автобус еле тащился. И хотя раноду в него набилось вроде бы поменьше, чем ранним утром, Филемону с трудом удалось сойти. Пранки со своими ворохами грязного белья совсем за- баррикадировали проход. От их узлов по всему автобусу растекался тошнотворный запах пота — кишки наизнанку выворачивались.

Внешне он выглядел совершенно спокойным. А душа была в смятении... Он должен подумать... Должен что-то решить...

В слепой, почти детской наивной надежде — а вдруг ничего и не случилось? — он проскочил кухню, влетел в комнату. И словно в ярком луче фонаря в глаза бросилось: кровать... мужчина ря- дом с женой... каштановая рука обвила ее шею... цветастое одеяло скомкано... чужой костюм на спин- ке стула... Филемон, будто ничего не видя, мет- нулся к шкафу и, роясь на полке, бодро заговорил:

— Представь себе, Тилли, забыл свой пропуск. Уже добрался до города, чуть ли не до конторы. Хорошо еще, старик Мафикела напомнил.

Его прервал короткий шорох и резкий хлопок оконной створки. Филемон вышел из-за дверцы шкафа и высунулся в окно. Парень в одних трусах и жилете без оглядки улепетывал по улице. Филе-

мон обернулся назад, обвел медленным взглядом комнату. Костюм...

Осторожно подняв его на вытянутых руках, Филе- мон увидел полные ужаса глаза Матильды. Она сидела в постели, беззвучно шевеля губами, не в силах произнести ни звука.

— Ну вот,— сказал Филемон, показывая ей голу- бой костюм,— я вижу к нам кто-то приехал в гости! И нам следует принять его как должно. Позвоню-ка я своему боссу, скажу, что не смогу сегодня быть на службе... Э... моя жена заболела. Я вернусь сию же минуту, и мы все обсудим.

И он вышел, захватив костюм с собой.

Когда он вернулся, Матильда все еще сидела в постели. Плечи ее сотрясались от рыданий. Филе- мон бросил костюм рядом с нею, пододвинул к кровати стул, сел на него верхом, подпер щеки ладонями и стал ждать.

Наконец рыдания стихли, плечи перестали вздра- гивать. Матильда робко глянула на мужа. Он как- то странно улыбался, а когда заговорил, не повы- шая голоса, не понять было, шутит он или говорит серьезно.

— Итак, у нас гость, Тилли.— Его губы скривила слабая усмешка.— И я бы хотел, чтобы к нему в этом доме отнеслись с величайшей предупреди- тельностью. Он должен есть с нами всегда, когда будем есть мы. И спать он будет с нами здесь — ведь другой спальни у нас нет. Я очень прошу тебя, Тилли, хорошенько заботиться о нем. А если он пропадет, или, не дай бог, с ним еще что-либо случится...— Глаза Филемона угрожающе сверкну- ли.— Имей в виду, Матильда, я убью тебя.

Филемон встал со стула и, взглянув на жену с непонятной и неожиданной мольбой, попросил убрать «гостя» до поры до времени в шкаф.

Она поднялась, чтобы выполнить просьбу, он резко повернулся, намереваясь уйти. Матильда испуганно пригнула голову, словно ожидая удара.

— Нет, ты не поняла меня, Тилли. В нашем доме не дойдет до насилия, если мы, конечно, будем благоразумны... Так что побеспокойся о костюме.

Филемон сходил в почтовое отделение, сдал де- ловые письма босса, а затем отправился через весь поселок в пивной бар. Он никогда не бывал там прежде. Ошеломляющий грохот и шум обрушился на него, заглушив ноющую в сердце боль. И он просидел там весь день.

Домой Филемон вернулся только к ужину. О боже! Он был поражен. Мрачная маленькая квартирка преобразилась. Она уже больше не на- поминала неуютного холостяцкого логова, на всем лежала печать заботливой, теплой женской руки. Веселые, новые, яркие занавески на кухонном окне. Старомодная печка сверкает антрацитовым блес- ком. На столе свежая, чистая скатерть в клетку. Ужин готов.

В дверях кухни появилась жена. Филемон не по- верил своим глазам. Перед ним стояла та самая девушка, та красивая, цветущая, с шоколадной ко- жей служанка, что пленила некогда его сердце и заставляла трепетать до женитьбы. А, платье!.. На ней было прежнее платье, которое вернуло ей все обаяние молодости, так долго скрывавшееся под нарядами шаблонного немецкого покроя. И ни- какого намека на кокетство, хоть она и приняла грациозную позу, оперевшись рукой о косяк и слег- ка склонив голову на бок. Она улыбалась.

И Филемон подумал: «Что же, что толкает жен- щину на измену?».

На мгновение он зажмурился и ухватился обеими руками за стул, чтобы обуздать себя, ибо неведо-

мая, яростная сила овладела им и он готов был броситься к ней в объятия, к ней, прежней Тилли. Кровь обожгла его огнем, потом жар медленно погас.

Филемон улыбнулся и кивнул жене:

— Я хочу есть, Тилли.

Словно очнувшись от охватившего ее оцепенения, она рванулась с места. Ее руки проворно хлопотали над плитой, чуть-чуть вздрагивая, когда оказывались свободными. Она села напротив, не отрывая вопрошающего взгляда от его лица, и покорно сложила руки в ожидании молитвы, хотя в душе ее звучали другие, более важные для нее заклинания.

— Матильда,— резко произнес он,— а наш гость?

Она вздрогнула от неожиданной жестокости его слов, но, едва глянув на его искаженное беспощадным гневом лицо, ринулась в спальню, опрокинув стул. Вернулась с костюмом, аккуратно повешенным на плечики, и стояла испуганная, беспомощная, трепеща, словно птичке перышко на ветру.

Гнев мужа, казалось, остыл, но грудь еще ходила вверх — вниз, вверх — вниз.

Он вяло махнул рукою:

— Поставь стул здесь.

Двигаясь неслышно, словно привидение, она принесла стул.

— Теперь посади нашего друга. Нет, нет, не так — посади его поудобнее. А теперь дай ему поесть. Да побольше. Наверное, за весь день ему и кусочка не перепало, бедняге.

Постепенно присутствие духа как будто вернулось к ней, ее движения обрели прежнюю грациозность, и она осмелилась наконец даже взглянуть в лицо мужу. Но когда он встал, чтобы открыть окно, внезапно отшатнулась в сторону.

Его желание обслужить костюм, как человека, было настолько диким и нелепым, что, подчиняясь этому капризу, она чувствовала себя бесконечно униженной. Филемон вернулся к столу и молча принялся за еду. За все время их совместной жизни трапеза впервые началась без молитвы. Кивком головы — рот его был набит едой — муж дал ей понять, чтобы она села. Матильда покорно опустилась на стул, скользнула взглядом по тарелке, и ей на память пришел рассказ о том, как однажды умиравшей от голода женщине накрыли роскошный ужин, но, едва она притронулась к блюду, как все превратилось в опилки. От кого же она слышала этот рассказ?

Матильда разразилась рыданиями. Но Филемон будто и не слышал ничего. Покончив с ужином, он как ни в чем не бывало собрал посуду и принялся ее перемывать, потом молча бросил жене полотенце. Она подошла к нему и стала вытирать тарелки. Постороннему могло бы показаться, что перед ним очень дружная и любящая супружеская пара.

Убрав посуду, Филемон взял костюм и, передавая его Матильде, отчеканил: «Вот так должно быть каждый день, каждый вечер!» — и ушел в спальню.

Так и повелось. Но после того первого страшного ужина Матильде уже не было так тягостно. А вскоре и вовсе подумалось, что по сравнению с ее проступком наказание не слишком уж и суровое. Она даже пыталась превратить его в шутку. Но все же подсознательно наказание непрестанно угнетало ее.

И Филемон больше не приходил в ярость, поскольку установленный им ритуал педантично выполнялся. Лишь однажды его осенила еще одна

«счастливая» мысль. Он решил, что «гостю» пора погулять. Поэтому на неделе костюм отдали в чистку, а в воскресенье взяли обратно, чтобы пройтись с ним по городу.

И Филемон и Матильда приоделись по этому случаю. Матильда перекинула на спину висевший на плечиках костюм и так, втроем, они прошествовали по Рей-стрит, мимо толпы перед храмом знаменитой англиканской миссии. И хотя прихожане не обратили на них никакого внимания, Матильде казалось, будто каждый взгляд, брошенный в ее сторону, вонзался ей в сердце раскаленной иглой.

А Филемон шагал как ни в чем не бывало. Они миновали Рей-стрит, свернули на Мейн-роуд. Он то и дело останавливался — поглядеть на витрину, перебраться несколькими словами со знакомым. Поднялись по Тоби-стрит к Эдвард-роуд и не спеша вернулись домой.

Для Матильды эта прогулка была сплошной мукой, а Филемону, казалось, хоть бы что. Войдя в комнату, он взял в руки книгу по психопатологии и, усаживаясь поудобнее в кресло, бросил жене:

— Устрой «старика» отдохнуть!

Нет, так больше продолжаться не может, подумала Матильда, уходя в спальню. Как бы это добиться, чтоб Филемон выбросил из головы, оставил свою глупую затею раз и навсегда? Но выражение его лица в тот первый вечер, когда она забыла вынести костюм к столу, обожгло ее память.

Что же делать? Уйти от мужа? Но куда? Вернуться к матери? Да разве ей, с ее старомодными взглядами, растолкуешь, что и как! Ну хорошо, вернусь домой, а что дальше? Что стало с Кейкл, медицинской сестрой? Спилась окончательно. Мальчишки Софитауна травят ее, обзывают бранными словами, когда она пошатываясь бредет по улице.

Матильда вспомнила и других известных ей женщин, получивших развод и обретших свободу. О боже! Она содрогнулась. Нет, этого делать нельзя. И вдруг ее осенило. Не одна ведь она в Софитауне замужем. Отец Харрингей из англиканской миссии организовывал разные клубы. Так есть и клуб для замужних женщин! О, если б она могла заняться какой-нибудь общественной деятельностью, искупить свой грех добрыми делами! Это скрасило бы ей жизнь, восстановило уважение к самой себе.

В конце концов и Филемон вовсе не собирается трубить о ее грехе на всех перекрестках. Кому что известно? Никто из софитаунских сплетниц даже и не подозревает, что ее поймали с поличным. Нужно сейчас же пойти к миссис Монтьян и попроситься в этот клуб. Да, но надо сказать и Филемону. Как он отнесется к этой идее?

Матильда встала, заглянула в комнату — Филемон читал — и остановилась, раздумывая, как бы деликатнее начать разговор — ведь они так давно ни о чем не говорили.

Она долго молчала в нерешительности. Муж, казалось, с головой углубился в книгу. Наконец он поднял на нее глаза, нахмурился.

— Фил, я хотела бы посещать клуб для замужних женщин. Ты не станешь возражать? — робко заговорила Матильда.

Филемон сморщил нос, потер его двумя пальцами. Ее слова были для него полной неожиданностью. Но он уловил тревожные нотки в ее голосе и будто бы правильно понял их причину:

— Хм, у тебя явилась неплохая идея, — сказал он кивнув. — Конечно, нельзя торчать целыми днями в четырех стенах. Да, Тилли, иди в этот клуб.

И он снова уткнулся в книгу.

Идея с клубом была поистине блестящей. Матильда встретила там женщин подобных себе, уже столкнувшихся с житейскими трудностями (если не с трагедиями), но теперь нашедших утешение в благотворительности, в очищающей душу деятельности. Атмосфера в клубе была радостной и доброжелательной. Они многое делали и многому сами учились. Организовывали пикники и базары, молодежные фестивали и спортивные состязания, музыкальные вечера и воскресные прогулки. Матильду увлекли и захлестнули дебаты, митинги, собрания, конференции. Это все было именно для нее. Она окунулась в водоворот жизни, чувствуя, как расцветает ее душа.

Филемон позволял ей делать все что угодно. Постоянный глупый домашний ритуал с костюмом теперь не трогал ее... Почти не трогал... А муж? Она ведь и не догадывалась о страданиях, которые испытывал он от добровольно возложенного на себя наказания.

И вот однажды она решила собрать небольшую вечеринку, пригласить своих новых подруг и их мужей. Филемон не возражал. Наоборот, он даже дал ей денег на расходы.

Неделя прошла в лихорадочной суматохе. Сшить новое платье, испечь торт, приготовить три мясных блюда: говядину для незваных гостей — соседей и завсегдатаев подобных вечеринок, баранину для приглашенных, индейку и курицу — для элиты клуба. Филемону казалось, что Матильда намеревается накормить по крайней мере полгорода.

Наконец вечером в воскресенье явились гости. Филемон был приятно изумлен милым изяществом, с каким его жена встречала их. Длинный стол неудержимо притягивал к себе взоры, сияя белоснежными салфетками, уставленный цветами, вкусными яствами.

Матильда пригласила всех занять места за столом. Вечеринка началась как должно, в полном согласии с традициями Софитауна. В комнате царил непринужденное веселье, а во дворе нарастал шум и гам — это, тоже по традициям Софитауна, пришли принять участие в вечеринке соседи по дому и обитатели окрестных улиц и переулков. И тут-то Матильда поймала вопрошающий взгляд Филемона.

— Э... а наш почетный гость? — заговорил он нерешительно, словно даже пытаясь как-то смягчить свой вопрос.

— Пожалуйста, Филемон, один раз... не сегодня.— Она думала воспользоваться этой его нерешительностью. Но голос Филемона окреп.

— Матильда! Я хочу видеть нашего гостя! — почти выкрикнул он и с сарказмом закончил: — Или ты стыдишься его?

Лицо Матильды стало пепельно-серым. Она встала, втиснула к столу еще один стул, положила на него костюм и поставила перед ним прибор.

Гости опешили от удивления, потом все разом загалдели: «Что за фантазия, Филемон?», «Что случилось?». Некоторые глупо гоготали.

— Спросите лучше мою жену.— Филемон небрежно кивнул в сторону Матильды.— Она лучше знает этого парня.

Теперь все взоры обратились к Матильде. На миг она потеряла дар речи, всем своим существом выражая страдание, потом сказала первое, что пришло на ум:

— Это просто игра, мы с мужем постоянно играем в нее за столом.

Раздался взрыв смеха.

Филемон не стал ее опровергать. Вечеринка про-

Пушки из кожи

Королевство Бутан расположено в восточных Гималаях. Это протекторат Индии. Его население (около миллиона человек) говорит на языке, близком к тибетскому.

Бутан не имеет собственной валюты. За рис и лесоматериалы, которые страна вывозит, она получает индийские рупии.

Редкие гости из-за границы прибывают только по личному приглашению королевской семьи. В стране нет иностранных представительств, за исключением специального чиновника индийского МИДа.

В Бутане около ста древних монастырей, в которых хранятся сокровища страны: старинные сабли в ножнах, инкрустированных золотом, кольчуги, щиты из кожи носорога и — самое ценное — тысячи рукописей на тибетском языке. Ученые еще не изучили эти реликвии.

Интереснейшими памятниками старины являются пушки из... шкур яков. Эти необыкновенно легкие кожаные орудия, может быть, самая маневренная артиллерия в мире. Когда англичане пытались покорить эту маленькую страну, они попали под артиллерийский обстрел среди горных вершин и крутых скал, куда, казалось бы, абсолютно невозможно поднять пушки.

должалась, и под острым, настойчивым взглядом мужа Матильда предлагала костюму каждое новое блюдо. Гости не переставали удивляться упорству и смешной серьезности супругов, которые никак не хотели отказаться от своей невинной забавы.

Только для Матильды это была отнюдь не забава. Сердце жгло раскаленным железом, комок подкатывал к горлу.

После вечеринки Филемон ушел из дому с одним из гостей, пообещавшим показать ему кабачок, где подают восхитительные напитки. Что ж, напитки и правда оказались восхитительные. Изрядно под хмельком, позже, чем ведьмы со своего шабаша, вернулся Филемон домой. Ввалился в спальню и увидел...

В Софитауне говорят: «Разбил лоб о жизнь». Это значит, что жизнь способна иногда подбросить человеку такой сюрприз, что, как бы ни был он пьян, хмель мгновенно вылетит у него из головы.

Она лежала, прижав руки к груди, словно и перед смертью вымаливала хоть немного снисхождения, упрашивала своего жестокого супруга сжалиться над ней только раз... только один раз.

— Тилли! — закричал Филемон, в отчаянии хватаясь за голову.

*Перевел с английского
Валентин Коткин*